

ЛИНГВИСТИКА

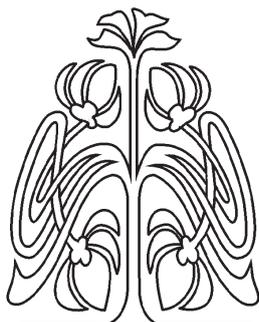
Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2026. Т. 26, вып. 1. С. 4–10

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2026, vol. 26, iss. 1, pp. 4–10

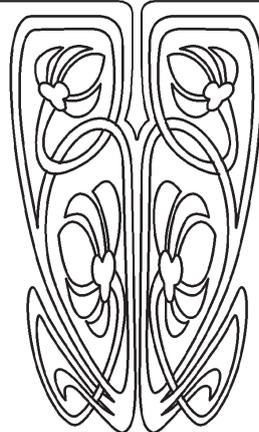
<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2026-26-1-4-10>

EDN: CCFHBV

**НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ**

Научная статья

УДК [378.4:811.161.1'367](470.44-25)(09)+929Сиротинина

Синтаксическая концепция О. Б. Сиротининой

А. В. Дегальцева

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Дегальцева Анна Владимировна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, речевой коммуникации и русского как иностранного, deganna@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3791-9777>

Аннотация. Профессор Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского Ольга Борисовна Сиротинина прожила долгую и плодотворную жизнь. Автор более 700 научных работ, она известна в России и за ее пределами как ученый, стоявший у истоков саратовской лингвистической школы реального функционирования языковых единиц. Круг ее интересов довольно широк: синтаксис современного русского языка, лексика и грамматика разговорной речи, коммуникативистика, экология речи. Результаты ее исследований синтаксической системы современного русского языка нашли отражение, прежде всего, в авторском курсе лекций по синтаксису и в ее диссертационном исследовании роли порядка слов в устной и письменной русской речи. Синтаксическая концепция О. Б. Сиротининой, базирующаяся на принципах традиционной русской грамматики, характеризуется пристальным вниманием к реальному функционированию синтаксических единиц, поэтому опирается на новаторские для своего времени идеи коммуникативного и семантического синтаксиса, а также на достижения саратовских лингвистов в области изучения грамматики разговорной речи. Идеи О. Б. Сиротининой о разграничении лингвистики языка и лингвистики речи, о выделении коммуникативных как самостоятельных синтаксических единиц, семантическом и формальном осложнении простых предложений, функциях порядка слов в разговорной речи получили плодотворное развитие в работах ее учеников и последователей. Ее «Лекции по синтаксису русского языка» и «Порядок слов в русском языке» сохраняют актуальность и успешно применяются в вузовском преподавании синтаксиса, о чем свидетельствуют их неоднократные переиздания и цитирования в учебных пособиях и научных статьях.

Ключевые слова: О. Б. Сиротинина, саратовская лингвистическая школа, синтаксис русского языка, порядок слов, разговорная речь

Для цитирования: Дегальцева А. В. Синтаксическая концепция О. Б. Сиротининой // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2026. Т. 26, вып. 1. С. 4–10. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2026-26-1-4-10>, EDN: CCFHBV

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The concept of syntax by O. B. Sirotinina

A. V. Degaltseva

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Anna V. Degaltseva, deganna@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3791-9777>

Abstract. Professor of Saratov State University Olga Borisovna Sirotinina lived a long and fruitful life. The author of more than 700 scientific works, she is known in Russia and beyond as a scholar who was at the origins of the Saratov linguistic school of real functioning of language units. Her areas of interest are quite broad: the syntax of modern Russian, vocabulary and grammar of colloquial speech, communicative studies, and speech ecology. The results of her research on the syntactic system of the modern Russian are reflected first of all in her own course of lectures on syntax and in her dissertation research on the role of word order in oral and written Russian speech. The syntactic concept of O. B. Sirotinina, based on the principles of traditional Russian grammar, is characterized by close attention to the real functioning of syntactic units, therefore it relies on innovative ideas of communicative and semantic syntax for its time, as well as on the achievements of Saratov linguists in the field of studying the grammar of spoken language. The ideas of O. B. Sirotinina on the distinction between the linguistics of language and the linguistics of speech, on the identification of communicatives as independent syntactic units, the semantic and formal complication of simple sentences, and the functions of word order in colloquial speech have been fruitfully developed in the works of her students and followers. Her *Lectures on the Syntax of the Russian Language* and *Word Order in the Russian Language* remain relevant and are successfully used in university teaching of syntax, as evidenced by their repeated reprints and citations in textbooks and scientific articles.

Keywords: O. B. Sirotinina, Saratov linguistic school, Russian syntax, word order, colloquial speech

For citation: Degaltseva A. V. The concept of syntax by O. B. Sirotinina. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2026, vol. 26, iss. 1, pp. 4–10 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2026-26-1-4-10>, EDN: CCFHBV

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Профессор О. Б. Сиротинина прожила долгую и плодотворную жизнь, которую она посвятила науке и родному для нее Саратовскому государственному университету. Она оставила нам огромное лингвистическое наследие – более 700 научных работ. Идеи, высказанные в них, нашли живой отклик в лингвистическом сообществе и были развиты ее учениками и последователями в фундаментальные научные исследования.

О. Б. Сиротинина снискала признание в России и за рубежом как ученый, заложивший основы саратовской научной школы изучения реального функционирования русского языка. В фокусе ее внимания всегда находились не только факты языка, но и факты речи. Роли О. Б. Сиротининой в лингвистике посвящен целый ряд статей (см., например, [1–4]), однако в данной работе хотелось бы осветить принципы, на которых строилось осмысление ею синтаксической системы современного русского языка.

Синтаксическая концепция О. Б. Сиротининой, базирующаяся на принципах традиционной грамматики, характеризуется интересом к функционированию синтаксических единиц. Результаты изучения ею синтаксической системы современного русского языка нашли воплощение, прежде всего, в «Лекциях по синтаксису русского языка» [5], а также в ее монографии «Порядок слов в русском языке» [6].

В них О. Б. Сиротинина опирается не только на классические грамматические труды, но и на принципы изучения русской речи саратовскими лингвистами, а также на передовые для своего времени идеи: коммуникативную грамматику, функциональный и семантический синтаксис.

Как известно, главным объектом синтаксиса являются синтаксические единицы. Среди ученых до сих пор нет единого мнения об их составе. Традиционно в русской грамматике выделялись две синтаксические единицы: словосочетание и простое предложение. В 1969 г. Г. А. Золотова высказала мысль о существовании минимальной синтаксической единицы объемом меньше, чем словосочетание, – словоформы, или синтаксемы [7]. Позже эта идея получила развитие в ее «Очерке функционального синтаксиса русского языка», где ученый выделяет свободные, связанные и конструктивно обусловленные формы слов [8]. В своих «Лекциях по синтаксису русского языка» О. Б. Сиротинина, опираясь на концепцию Г. А. Золотовой, также относит словоформу к минимальным синтаксическим единицам и справедливо замечает: «Синтаксическая функция падежной формы выявляется только в речи, в ее сочетании с другими словами или формами слов» [5, с. 23]. О. Б. Сиротинина наглядно показывает, что одна и та же словоформа может обладать многофункциональностью: *Сыну* (загла-

вие послания, свободная форма слова); *верить сыну* (связанная форма, зависимый компонент словосочетания); *Сыну 15 лет* (конструктивно обусловленная словоформа).

Среди синтаксических единиц, наряду со словом (в аспекте его семантико-грамматических свойств и сочетаемости), словоформой и словосочетанием, О. Б. Сиротинина выделяет предикативную конструкцию, или предикативную единицу [5]. Предикативная конструкция – более широкое понятие, чем предложение, при этом основным структурообразующим признаком обоих ученых справедливо считает предикативность, под которой, вслед за В. В. Виноградовым, понимает соотношенность высказывания с действительностью, выражающуюся тремя категориями: темпоральностью, модальностью и персональностью. Под предложением О. Б. Сиротинина понимает коммуникативную единицу, обладающую, наряду с предикативностью, интонационной завершенностью и актуальным членением, а под предикативной конструкцией – базу предложения, его формальную и семантическую модель. Предикативная единица потенциально может стать или самостоятельным предложением, или частью сложного предложения (выражать лишь относительно законченную мысль), или зависимым компонентом словосочетания («*кошка, которая ходит сама по себе*»): в этом случае предикативная основа участвует в формировании сложного понятия, но не сообщения [5, с. 44–45].

Анализируя состав предикативных конструкций, О. Б. Сиротинина считает необходимым выделять особую структурную единицу – главный член односоставного предложения. Чем обусловлено такое выделение и почему, по мнению ученого, неправомерно говорить о сказуемом в односоставном предложении? Дело в том, что в двусоставном предложении подлежащее и сказуемое находятся во взаимозависимости, и между ними возникают особые предикативные отношения, тогда как в односоставном предложении существует только один главный член, который и составляет его предикативную основу. Он не вступает в координирующую связь с другими членами, а значит, не может быть назван сказуемым.

Опираясь на концепцию Н. Ю. Шведовой [9] и идеи чешских лингвистов [10], О. Б. Сиротинина подчеркивает, что в предложении, наряду с главными и второстепенными членами, необходимо выделять и самостоятельные

его распространители, которые не входят в состав словосочетаний. Это конструктивно обусловленные словоформы с субъектным или объектным значением – детерминанты («*Мне нездоровится*; *У Алексея стало тепло на душе*») и свободные формы слов, репрезентирующие различные обстоятельства, – ситуанты («*Сейчас здесь никто не живет*») [5, с. 68].

Детерминанты тесно связаны с определенной синтаксической конструкцией: так, дательный падеж с субъектным значением предопределен структурой безличного предложения: *Мне хочется пить* (ср.: *Я хочу пить*). Детерминанты могут различать не только формально-синтаксические конструкции, но и семантические модели предложений: «*Холодно и Ему холодно. Я не слуга и Я ему не слуга, Гномов нет и У нас гномов нет*» [5, с. 66]. О. Б. Сиротинина отмечает, что было бы неверно относить детерминанты к второстепенным членам предложения и называть их косвенными дополнениями, как это принято в школьной грамматике, поскольку они так же важны для образования предикативной единицы, как и ее главные члены [5, с. 65]. Ситуанты же, в отличие от детерминантов, свободно присоединяются к разным синтаксическим моделям и являются их факультативными компонентами: «*Сегодня мне хочется пить*; *Сегодня я хочу пить*» [5, с. 47].

Ценны замечания О. Б. Сиротининой по поводу классификации предложений по целеустановке. Она указывает на то, что традиционное разделение предложений на повествовательные, вопросительные и побудительные основано на разных признаках и поэтому не может отвечать потребностям современной коммуникативистики. В зависимости от целеустановки и функции в общении О. Б. Сиротинина выделяет три типа предложений: направленные на сообщение или запрос информации (повествовательные и вопросительные); побуждающие к действию (побудительные); содержащие пожелание (оптативные). Оптативные предложения выделяются в академической «Русской грамматике» [11], но не рассматриваются как особый тип в школьных и некоторых вузовских учебниках. Они называют желание, относящееся к сфере ирреальной модальности: *Хоть бы брат приехал! Отдохнуть бы сейчас!* Вопросительные предложения в концепции О. Б. Сиротининой рассматриваются как «вопросительный вариант повествовательных» и подразделяются на общевопросительные («*Он едет?*; *Едет ли*

он?») и частновопросительные («Куда он едет? Кто едет?») [5, с. 99–100]. Ученый обращает внимание и на существование несобственно вопросительных предложений, целью которых может быть вежливое побуждение или утверждение («Вы же меня знаете?»; «Не можете мне перейти улицу?») [5, с. 99]). В зависимости от интонации и передаваемых говорящим эмоций все эти типы предложений могут быть как восклицательными, так и невосклицательными. При этом лингвист высказывает мнение, что многие предложения, которые в школьных и вузовских учебниках относят к восклицательным, по сути, являются речевыми единицами – релятивами: они лишь выражают отношение говорящего к субъекту, объекту или ситуации («Что за чудо!») [5, с. 101].

В «Лекциях по синтаксису русского языка» [5] О. Б. Сиротинина подробно освещает процессы формального и семантического осложнения монопредикативного предложения. Рассматривая механизмы, приводящие к обособлению членов предложения, наряду со второстепенным сказуемым, она выделяет уточняющие члены предложения и добавочные сообщения, не создающие полупредикативных отношений. Лингвист подчеркивает: если второстепенные сказуемые и уточняющие члены предложения имеют особые формы выражения, то добавочные сообщения не обладают собственными средствами выражения, поскольку это «чисто речевые, а не языковые осложнения структуры предложения» [5, с. 105].

О. Б. Сиротинина справедливо отмечает, что осложняться может не только формальная, но и семантическая структура простого предложения. Это происходит в том числе благодаря механизму скрытой (имплицитной) предикативности. В доказательство ученый приводит следующий пример: «После торжественной встречи с коллективом новый директор вызвал к себе главного инженера» [5, с. 102]. Здесь, как доходчиво объясняет О. Б. Сиротинина, наблюдается слияние двух синтаксических моделей: экзистенциональной (состоялась встреча) и акциональной (директор вызвал инженера). Под руководством О. Б. Сиротининой М. А. Кормилицына предприняла исследование способов осложнения формально простого (монопредикативного), но семантически сложного (полипропозитивного) предложения в устной научной и разговорной речи. Оно

нашло отражение в ее докторской диссертации и ставшей фундаментальной монографии «Семантически осложненное (полипропозитивное) простое предложение в устной речи» [12]. Анализируя механизмы, приводящие к полипропозитивности монопредикативного предложения, М. А. Кормилицына приходит к выводу о том, что данное явление связано с углублением семантической структуры предикативной единицы «вглубь» и «вширь». В первом случае осложнение создается актантными компликаторами (полипропозитивными именами, инфинитивными конструкциями), во втором – атрибутивными и сирконстантными компликаторами, которые являются следствием таких семантико-синтаксических процессов, как атрибутизация, адвербиализация, партиципация, номинализация, авторизация [12].

Пристальное внимание в «Лекциях по синтаксису русского языка» О. Б. Сиротинина уделяет высказыванию и его актуальному членению. Она подробно рассматривает средства выражения темы и ремы в устной и письменной формах речи. В приложении к учебному пособию приводятся осциллограммы, отражающие интонационное оформление высказываний [5].

О. Б. Сиротинина считает необходимым «описывать как предложенческие, так и непредложенческие, как предикативные, так и непредикативные речевые факты» [1, с. 301]. Именно поэтому, наряду с предложениями, она предлагает выделять коммуникаты. Они представляют собой речевые единицы, отражающие непосредственное восприятие действительности адресантом. Их содержательная сторона понятна только в ситуации общения, они лишь называют предмет, указывают на него или выражают отношение говорящего к ситуации, но ничего не сообщают собеседнику. К таким коммуникатам О. Б. Сиротинина относит релятивы, выражающие эмоционально-волевое отношение говорящего к ситуации (*Да; Нет, Ни за что!*); указательные предложения (*Вон амбар*); именительный представления (*Знакомьтесь: Иван Иванович*); именительный (реже – косвенный падеж) темы – коммуникат, вынесенный до предложения в сегментированной конструкции (*Москва... Как много в этом звуке для сердца русского слилось!* (Пушкин)). К коммуникатам О. Б. Сиротинина относит также вводные конструкции и обращения, поскольку они выполняют особые функции в общении [5, с. 94].

Перечисленные синтаксические единицы могут функционировать самостоятельно, преимущественно в разговорной речи, но и там они часто сопровождаются предложениями, раскрывающими и поясняющими их смысл: *Нет, сегодня я никуда не поеду*. Предложение, по мнению О. Б. Сиротининой, также можно считать коммуникатом (коммуникативной единицей), но более сложно устроенным и полифункциональным.

Таким образом, в синтаксической концепции О. Б. Сиротининой к единицам языка относятся слова и словоформы, словосочетания (распространенные слова), предикативные единицы (простые и сложные предложения), а к единицам речи – коммуникаты [5].

Теория коммуникатов была разработана и дополнена в исследованиях И. И. Прибыток [13], С. В. Андреевой [14], Е. Ю. Викторовой [15], Т. Н. Колокольцевой [16], выполненных под руководством О. Б. Сиротининой. И. И. Прибыток была разработана теория, согласно которой в английском языке выделяются две элементарные синтаксические единицы: предложение и сентенсоид, лишенный самостоятельных механизмов выражения предикативности и обладающий ситуативно обусловленной коммуникативной функцией [13]. Позднее И. И. Прибыток выделила еще одну минимальную единицу: репрезентант предложения [17]. Сентенсоиды и репрезентанты предложения тесно связаны как с коммуникативной ситуацией, так и с контекстным окружением и функционируют в устной диалогической речи [12].

Согласно концепции С. В. Андреевой, в синтаксическом строе устной речи можно выделить пять основных конструктивно-синтаксических единиц: типичную предикативную, структурно модифицированную предикативную, функционально-семантически модифицированную, предикативно-релятивную (гибридный коммуникатив) и релятивную единицу (собственно коммуникатив). Наряду с основными, С. В. Андреева выделяет три вспомогательных единицы: дискурсив, диалогический повтор и докоммуникативный знак (звуковой жест) [14].

Изучению коммуникативов в русской и английской разговорной речи посвящена диссертация Е. Ю. Викторовой [15]. Исследование специфических коммуникативных единиц (СКЕ) непредложенческого типа, представ-

ленных в диалоге, отражено в монографии Т. Н. Колокольцевой [16]. Все СКЕ распределяются ученым на два типа: коммуникативы и незавершенные высказывания. Первые организуют диалог, выражая модусные смыслы, вторые непосредственно не связаны с организацией диалога и отражают диктумные (объективные) смыслы. Наряду с коммуникативной функцией, СКЕ выполняют регулятивные функции: согласование речевых стратегий и тактик собеседников, выстраивание определенной тональности общения [16].

В ряде работ [18–20] О. Б. Сиротинина обращает внимание на особое место в системе языка так называемых дискурсивных слов. Под ними она понимает слова, лишенные денотативного значения и выполняющие в коммуникации особую функцию – «оформление передаваемой адресату информации в понятный для него дискурс» [18, с. 476]. Дискурсивы соотносят содержание высказывания с истиной, отражают заботу адресанта об адресате, структурируют текст, выражают оценку информации и т. д. Роль таких слов одновременно и служебная, и смысловая [18].

О. Б. Сиротинина указывает на то, что дискуссионный статус дискурсивных слов и трудности их отграничения от слов служебных приводят к ошибкам в их пунктуационном оформлении. Чтобы этого избежать, следует обращать внимание на контекст, в который говорящий или пишущий помещает дискурсив. Так, слово *возможно* в одних контекстах выступает в качестве модального компонента составного сказуемого, в других – в роли вводного слова, обособляясь и выполняя дискурсивную функцию смягчения категоричности [20]. Мысли, высказанные О. Б. Сиротининой об особом статусе дискурсивов, позволили Е. Ю. Викторовой углубить представления об этих единицах. Под руководством О. Б. Сиротининой она сумела детально разработать концепцию вспомогательной системы дискурса на материале русского и английского языков [21].

Порядку слов в русском языке посвящены докторская диссертация О. Б. Сиротининой [22] и ее одноименная монография [23]. Ученый замечает, что представление о свободном порядке слов в русском языке – это результат неправомерного смешения при анализе устной и письменной, прозаической и стихотворной, авторской и стилизованной разговорной речи [23].

Лингвист подчеркивает, что порядок слов в русском языке выполняет три функции: грамматическую, стилистическую и коммуникативную, которая наиболее отчетливо проявляется в разговорной речи, где порядок слов определяет степень коммуникативной значимости компонента высказывания. Опираясь на расшифровки записей разговорной речи, сделанные саратовскими лингвистами, О. Б. Сиротинина выявляет специфику порядка слов в обиходном общении. Она показывает, что для разговорной речи нормативным может быть такой порядок слов, который нарушает законы построения письменного текста: например, вынесение управляемого компонента словосочетания в препозицию: «Соседки сын приехал», расположение служебных слов в абсолютной постпозиции («Ну временно только»; «Халат шить чтобы»), а также разрыв словосочетаний («Большую на балкон положи курицу») и др. [23, с. 130–131].

Обращение к фактам истории языка позволяет О. Б. Сиротининой сделать вывод о том, что с течением времени носители языка стали уделять все меньше внимания роли порядка слов в построении определенных типов предложений. Так, лингвист отмечает, что «в XIX в. четко, в XX с отступлениями порядок слов служил в русском языке способом выражения степени зависимости того или иного действия, состояния от воли, намерения человека», тогда как в начале века XXI наблюдаются отступления от этой нормы: стали допустимыми сочетания с препозитивным расположением служебного глагола «быть»: *было можно, был вынужден* и под. [24, с. 78]. Кроме того, по наблюдениям О. Б. Сиротининой, в современных газетах и научных работах молодых ученых довольно часто встречается ненормативное инициальное употребление союза *также*. «Видимо, не учитывается, что в отличие от других союзов, *также* присоединяет не предикативную единицу, а именно какое-то слово <...> и должно размещаться *после* этого слова» [24, с. 104].

В своей монографии О. Б. Сиротинина рассуждает об изменениях, которые вероятны и возможны в судьбе русского языка. Среди прочего она полагает, что в разных сферах общения будут регулярно отмечаться случаи нарушения нормативного порядка слов (в том числе и при использовании деепричастных оборотов), а это станет затруднять понимание текста или искажать его основную мысль. Тем не менее,

О. Б. Сиротинина с надеждой отмечает: «Тут точка “невозврата” пока не пройдена, и можно добиться, чтобы “развитие” русского языка в сторону свободного порядка слов не состоялось» [23, с. 108].

Таким образом, в своей синтаксической концепции О. Б. Сиротинина выстраивает стройную картину функционирования языковых единиц в речи. Она пополняет традиционное грамматическое учение передовыми для своего времени идеями коммуникативного и семантического синтаксиса, а также достижениями саратовских лингвистов в области изучения грамматики разговорной речи. Идеи, высказанные О. Б. Сиротининой, получают плодотворное развитие в работах ее учеников и последователей. «Лекции по синтаксису русского языка» и монография «Порядок слов в русском языке» до сих пор актуальны, вдохновляют современных русистов и эффективно используются в вузовском преподавании синтаксиса (прежде всего, в Саратовском национальном исследовательском государственном университете им. Н. Г. Чернышевского). Об этом свидетельствуют их неоднократные переиздания, цитирования в авторитетных статьях и учебных пособиях, а также включение их издательской группой URSS в серию «Лингвистическое наследие XX века» [25–26].

Список литературы

1. Андреева С. В., Викторова Е. Ю. Научные идеи О. Б. Сиротининой и саратовская школа изучения единиц реальной коммуникации. К столетию со дня рождения ученого-педагога // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 299–307. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-3-299-307>, EDN: RBTPMZ
2. Кормилицына М. А., Байкулова А. Н. Теория и практика современной речевой коммуникации: парадигмы научного поиска О. Б. Сиротининой (к 100-летию выдающегося российского лингвиста) // Коммуникативные исследования. 2023. Т. 10, № 2. С. 205–220. [https://doi.org/10.24147/2413-6182.2023.10\(2\).205-220](https://doi.org/10.24147/2413-6182.2023.10(2).205-220)
3. Кормилицына М. А. Юбилей ученого, учителя и уникального человека // Филология и человек. 2013. № 3. С. 222–223. [https://doi.org/10.14258/filichel\(2013\)3-23](https://doi.org/10.14258/filichel(2013)3-23), EDN: RAHSWZ
4. Сковородников А. П., Копнина Г. А. Эколингвистические наблюдения в монографии О. Б. Сиротининой «Русский язык: система, узус и создаваемые ими риски» // Экология языка и коммуникативная практика. 2014. № 1. С. 202–209.

5. Сиротинина О. Б. Лекции по синтаксису русского языка : учеб. пособие. М. : Высшая школа, 1980. 142 с. EDN: YRUDIE
6. Сиротинина О. Б. Порядок слов в русском языке. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1965. 172 с.
7. Золотова Г. А. О синтаксической форме слова // Мысли о современном русском языке : сб. ст. / под ред. В. В. Виноградова. М. : Просвещение, 1969. С. 66–79.
8. Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М. : Наука, 1973. 352 с.
9. Шведова Н. Ю. Детерминирующее обстоятельство как самостоятельные распространители предложения // Вопросы языкознания. 1964. № 6. С. 77–93. EDN: SGCXTB
10. Адамец П., Грабе В. Трансформация, синтаксическая парадигматика и члены предложения // Slavia. 1968. Т. 37, вып. 2. С. 182–192.
11. Русская грамматика : в 2 т. Т. 2. Синтаксис / гл. ред. Н. Ю. Шведова. М. : Наука, 1980. 709 с.
12. Кормилицына М. А. Семантически осложненное (полипропозитивное) простое предложение в устной речи. 3-е изд. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. 152 с.
13. Прибыток И. И. Английские сентенсоиды: Структура. Семантика. Прагматика. Сферы функционирования / под ред. О. Б. Сиротининой. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1992. 178 с.
14. Андреева С. В. Конструктивно-синтаксические единицы устной русской речи. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 2005. 189 с.
15. Викторова Е. Ю. Коммуникативы в разговорной речи (на материале русского и английского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1999. 17 с.
16. Колокольцева Т. Н. Специфические коммуникативные единицы диалогической речи. Волгоград : Изд-во Волгоградского ун-та, 2001. 260 с.
17. Прибыток И. И. Базисные единицы конструктивного синтаксиса // Известия Саратовского университета. Серия: Филология. Журналистика. 2012. Т. 12, вып. 1. С. 3–7.
18. Сиротинина О. Б. Дискурсивные слова и их отношение к пунктуационной системе русского языка // Исследования по семантике : межвуз. науч. сб. в честь юбилея проф. Р. М. Гайсиной. Уфа : РИЦ БашГУ, 2008. Вып. 24. С. 476–480.
19. Сиротинина О. Б. Дискурсивные слова как проблема пунктуации // Предложение и Слово : межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. С. В. Андреева. Саратов : ИЦ «Наука», 2008. С. 319–322. EDN: SFVHSZ
20. Сиротинина О. Б. Что мешает эффективности современной коммуникации? // Экология языка и коммуникативная практика. 2017. № 1 (8). С. 25–37. EDN: YUNORB
21. Викторова Е. Ю. Вспомогательная система дискурса. Саратов : ИЦ «Наука», 2015. 404 с.
22. Сиротинина О. Б. Порядок слов в русском языке : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 1966. 35 с.
23. Сиротинина О. Б. Порядок слов в русском языке. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1965. 172 с.
24. Сиротинина О. Б. Русский язык: система, узус и создаваемые ими риски. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 2013. 116 с. EDN: YKYGLT
25. Сиротинина О. Б. Порядок слов в русском языке. Изд. 5-е, стер. М. : Ленанд, 2025. 176 с. (Лингвистическое наследие XX века).
26. Сиротинина О. Б. Лекции по синтаксису русского языка. М. : Ленанд, 2015. 144 с. (Лингвистическое наследие XX века).

Поступила в редакцию 08.08.2025; одобрена после рецензирования 28.08.2025; принята к публикации 10.11.2025
The article was submitted 08.08.2025; approved after reviewing 28.08.2025; accepted for publication 10.11.2025